Воспоминаніе Вестминстерскаго декана Станлея о покойномъ митрополитѣ Филаретѣ *).

Въ 1857 году, когда я посѣщалъ Россію, митрополиту Филарету было уже 76 лѣтъ. За годъ передъ тѣмъ совершилось вѣнчаніе на царство императора Алек-

**) Пѣніе сего стиха, какъ и чтеніе апостола великой суботы, мы слышимъ всегда, когда совершается у насъ таинство крещенія. Какъ видимымъ знакомъ облеченія во Христа крещаемаго служитъ его одѣяніе въ бѣлую срачицу; такъ и священнослужители въ великую субботу въ знаменіе сего же благодатнаго облеченія измѣняютъ траурныя облаченія на блестящія—бѣлыя.

*) Статья эта получена редакціею изъ С.-Петербурга отъ Константина Петровича Побѣдоносцева. Воспоминаніе написано было Станлеемъ, но полученіи извѣстія о кончинѣ митрополита Филарета, и напечатано въ Лондонскомъ журналѣ «Macmillans Magazine», въ январѣ 1867 г.

сандра II, и Филаретъ былъ въ зенитѣ своей славы. Я видѣлъ его три раза.

Въ первый разъ приватное свиданіе съ нимъ устроилъ для меня одинъ изъ московскихъ моихъ друзей, генералъ, котораго уже нѣтъ на свѣтѣ. Мы вмѣстѣ поѣхали къ митрополиту на дачу, по близости отъ Москвы. На дорогѣ генералъ разсуждалъ со мною о предметахъ предстоявшей бесѣды съ Филаретомъ. Мнѣ казалось, такъ какъ митрополитъ занимался много изученіемъ ветхаго завѣта, что хорошо было бы обратить рѣчь на предметъ ветхозавѣтной исторіи, въ связи съ русскою исторіей, въ той, напримѣръ, мысли какая выражена на барельефахъ храма Спасителя, гдѣ дѣянія военнаго патріотизма выражены въ подвигахъ Іисуса Навина и Варака. Генералъ указалъ мнѣ на затрудненіе, которое не рѣдко представлялось ему самому, согласить въ подобныхъ случаяхъ жестокость и мстительность ветхозавѣтнаго духа съ новозавѣтною кротостію и милосердіемъ. „Вамъ самому, сказалъ онъ, придется рѣшить для себя этотъ вопросъ, прежде чѣмъ вы предложите его митрополиту“. Тогда я сослался на начало постепенности и послѣдовательности развитія въ откровеніи, выраженное въ нагорной проповѣди и въ извѣстной вступительной рѣчи посланія къ евреямъ. Эта мысль показалась новою моему спутнику и мы согласились, что она должна послужить, между прочимъ, темою для бесѣды съ митрополитомъ. Приготовившись такимъ образомъ, мы вошли въ его комнаты, и черезъ нѣсколько минутъ самъ онъ явился. Онъ не высокаго роста, но имѣетъ видъ, исполненный достоинства, тонкія и худощавыя черты, голубые глаза, глубокій, чрезвычайно выразительный видъ и длинную сѣдую бороду. Но, что всего было замѣчательнѣе—это необыкновенная, сверхестественная сладость голоса—какой-то тихій, но вполнѣ явственный шопотъ, которымъ говорилъ Филаретъ. Не допустивъ меня поцаловать его руку (по восточному обычаю) онъ тихо притянулъ меня за руку къ креслу, и началась бесѣда, въ которой генералъ служилъ намъ посредникомъ, пофранцузски, такъ какъ Филаретъ при всей своей учености не владѣлъ живой рѣчью ни на одномъ изъ новѣйшихъ языковъ запада. Онъ скоро обратился къ предмету, на которомъ охотно останавливаются духовные въ Россіи, къ различію между священными иконами и статуями, указывая на то, что иконы служатъ вмѣсто книгъ бѣднымъ людямъ и обращены къ одному только чувству, а статуи обращаются и къ чувству осязанія и матеріально сходствуютъ съ идолами. Про барельефы говорилъ онъ, что ихъ можно допустить на внѣшней стѣнѣ церковнаго зданія, и что они менѣе похожи на изваяніе. Изъ англійскихъ духовныхъ лицъ ему знакомы были, по видимому, только Бевриджъ и Бингенъ. О крайностяхъ германскаго протестантизма онъ говорилъ съ кроткимъ сожалѣніемъ, и замѣтилъ, впрочемъ безъ всякой горечи, что Меланхтонъ, когда бы воскресъ теперь, не узналъ бы своей церкви. Онъ предлагалъ разные вопросы о римско-католическихъ епископахъ въ Англіи и удивлялся, какъ терпитъ ихъ правительство въ такомъ большомъ числѣ. Распрашивалъ съ любопытствомъ о конфирмаціяхъ и визитаціяхъ нашихъ англійскихъ прелатовъ. Тогда генералъ коснулся условленнаго между нами вопроса о различіи между ветхимъ завѣтомъ и новымъ. Тутъ Филаретъ разомъ оживился и заговорилъ: въ срединѣ рѣчи генералъ обратился ко мнѣ съ непритворнымъ восхищеніемъ и сказалъ: „представьте, онъ цитуетъ тотъ самый текстъ, на который вы ссылались, и именно на слова: многочастнѣ и многообразнѣ. Онъ говоритъ, что въ этихъ словахъ именно указано на послѣдовательные и многообразные виды несовершеннаго откровенія, коими предварялась полнота свѣта, возсіявшая въ христіанствѣ; различается въ Библіи духъ отъ матеріи и объясняется, что іудеи, бывъ подъ пѣстуномъ, какъ дѣти, поражаемы были великими и страшными наказаніями и примѣрами, доколѣ не явилось совершеннѣйшее откровеніе“.

Послѣ того мнѣ часто приходило на мысль: не странно ли слышать изъ устъ іерарха древней православной церкви неподвижнаго востока такое ученіе, которое въ Англіи возбудило великій соблазнъ въ религіозномъ мірѣ, подняло такую бурю противъ Арнольда, и которое нѣкоторые изъ нашихъ епископовъ недавно еще объявили невозможнымъ допустить въ средѣ англиканской церкви?

Вскорѣ за тѣмъ доложили о пріѣздѣ генералъ-губернатора, и мы простились. При прощаніи старецъ митрополитъ тихо сказалъ мнѣ: Deus benedicat tibi et Ecclesiae tuae.

Во второй разъ я видѣлъ его въ праздникъ Успенія Богородицы, въ Кремлѣ, въ соборѣ. Положеніе его въ эту минуту было таково, что могло бы возбудить зависть не только у нашихъ ритуалистовъ, но и у величайшихъ папъ и кардиналовъ запада. Не случалось еще мнѣ видѣть ни одну духовную особу въ такомъ почетѣ и уваженіи. Я говорю это не только о сложномъ церемоніалѣ богослуженія, не о тѣхъ минутахъ, когда онъ стоялъ въ величайшей простотѣ, пока его облачали и разоблачали или проводили широкимъ гребнемъ по рѣдкимъ прядямъ волосъ и бороды его, или когда стоялъ онъ на коврѣ съ изображеніемъ древняго орла языческой римской имперіи; говорю въ особенности о его выходѣ по окончаніи богослуженія. Онъ вышелъ въ послѣдній разъ дать общее благословеніе, и сталъ сходить съ амвона, по ступенямъ къ выходу изъ церкви. Еслибъ этотъ человѣкъ состоялъ весь изъ чистаго золота, и каждое къ нему прикосновеніе оставляло бы частицу золота на рукахъ,—и тогда кажется не съ большимъ энтузіазмомъ бросался бы народъ цѣловать его руку или прикоснуться къ краю ризъ его. Толпа волновалась во всѣ стороны, порываясь къ нему пробраться—народъ, офицеры, солдаты. Только видно было поверхъ головъ, какъ двигался тихо и мѣрно бѣлый

клобукъ его и за дверью церковною погрузился въ новыя волны, ожидавшія за дверьми; а когда наконецъ пробрался онъ къ своей каретѣ, запряженной шестеркою вороныхъ лошадей, и поѣхалъ, всѣ головы обнажались на пути его, и когда ужъ скрылась изъ виду карета, можно было еще различить путь его по громкому звону во всѣ колокола, во всѣхъ церквахъ по дорогѣ.

Въ третій разъ была годовщина коронаціи. Зрѣлище было въ высшей степени характерное. Тѣ изъ насъ, жителей запада, кто привыкъ относиться съ нѣкоторымъ подозрѣніемъ къ тѣсному союзу между государствомъ и религіозною обрядностію на востокѣ, тѣ были бы поражены и поставлены въ недоумѣніе тою пышностью церковнаго торжества, которою сопровождалось здѣсь это *воспоминаніе* великаго праздества государственнаго. Соборъ былъ биткомъ набитъ народомъ,—и вотъ точно шопотъ пробѣжалъ въ толпѣ „самъ митрополитъ будетъ сказывать проповѣдь“. Вдругъ всѣ притихли: водворилось мертвое молчаніе—всѣ установились впередъ, подставляя руку подъ ухо, чтобъ не проронить ни слова. Старецъ митрополитъ сталъ впереди иконостаса: передъ нимъ лежала рукопись, и онъ переворачивалъ листы, хотя рѣдко заглядывалъ въ нихъ. Въ началѣ голосъ его былъ не громче шопота, но возвышаясь мало по малу, сталъ раздаваться внятно и явственно. Позади его стояли еще два архіерея—одинъ, плотный, здороваго и бодраго вида: это былъ Иннокентій, архіепископъ камчатскій—единственный архіерей, миссіонеръ русской церкви (въ послѣдствіи назначенный преемникомъ Филарету); другой, прислонившійся къ клиросу, слѣпой старецъ Евгеній, оставившій свою каѳедру въ Сибири (въ Ярославлѣ) и докончивавшій дни свои на покоѣ, въ Донскомъ монастырѣ подъ Москвою. Проповѣдь длилась около четверти часа. (Авторъ приводитъ ее въ переводѣ: слово 26 авг. 1857 г. „Свѣтелъ паче многихъ нынѣшній день“). Въ чтеніи этой проповѣди, со всѣми полувосточными ея оборотами рѣчи, трудно представить себѣ впечатлѣніе, произведенное ею на слушателей. Но мнѣ не трудно было, когда я слушалъ ее на самомъ мѣстѣ коронаціи, посреди народнаго собранія, преисполненнаго одушевленіемъ; и для тѣхъ, кому чуждо и подозрительно кажется высокое значеніе монарха и міряпъ въ христіанской церкви, для тѣхъ поучительно было бы видѣть, до какой степени простиралъ свое благоговѣйное чувство къ этой власти епископъ столь неоспоримо церковнаго характера, каковъ былъ Филаретъ. Можно было примѣтить еще отличительную черту восточной церкви въ совершенномъ отсутствіи какого бы то ни было притязанія на самовластіе въ ея представителѣ, не смотря на самый искренній и на самый высокій тонъ религіознаго одушевленія.

За проповѣдью слѣдовало чтеніе изъ Св. Писанія протодіакономъ и діакономъ Успенскаго собора (авторъ говоритъ о молебствіи). Мнѣ не случалось еще слышать такого проявленія голоса человѣческаго, какъ я тутъ слышалъ въ чтеніи изъ 13 гл. посланія къ римлянамъ—съ каждымъ словомъ выше и выше поднимались звуки: „Ему же урокъ урокъ, и ему же страхъ страхъ, и ему же дань дань, и ему же честь честь“. При послѣднихъ словахъ дьяконъ съ тріумфомъ озирался вокругъ, какъ будто сознавая, что этимъ словамъ онъ придалъ всю, какую только можно было, силу. Посланіе, изъ устъ этого сына громова, смѣнилось чтеніемъ изъ 23 гл. Матѳея, серебристымъ голосомъ филаретовымъ, и затѣмъ началось молебное пѣніе съ колѣнопреклоненіемъ; все завершилось громогласнымъ звономъ большаго колокола на Иванѣ великомъ.

Таковы мои воспоминанія о Филаретѣ.... Онъ былъ представителемъ того антикварнаго, возвратнаго, романтическаго направленія религіознаго чувства, которое распространилось по цѣлой Европѣ, и которое такъ знакомо намъ, въ нѣкоторыхъ извѣстныхъ всѣмъ личностяхъ. Въ числѣ проявленій этого стремленія можно указать на возрожденіе древняго пустынножительства въ скитѣ, основанномъ Филаретомъ въ лѣсахъ, принадлежащихъ къ Троицкому монастырю *).

Но съ этою ревностію соединилось въ немъ искреннее (и между нами столь рѣдко встрѣчаемое) побужденіе къ терпимости, желаніе расширить сочувствіе церкви (не къ высокомѣрному самовластію римскаго престола!) но къ отщепенцамъ (диссентерамъ) своей церкви и своего народа, равно какъ къ протестантамъ и иновѣрцамъ запада. Разсказывали, 12 лѣтъ тому назадъ, о снисхожденіяхъ и уступкахъ, въ первый разъ сдѣланныхъ имъ упорнымъ подмосковнымъ старовѣрамъ, которые считали до тѣхъ поръ установленную церковь за антихристову. Разсказывали, съ какою лаской и любезностію принималъ онъ не только членовъ епископальной англиканской церкви, въ проѣздъ ихъ чрезъ Москву, но и состоявшихъ внѣ той церкви проповѣдниковъ лондонскаго миссіонерскаго общества.

Здѣсь ученый авторъ оканчиваетъ свое воспоминаніе о Филаретѣ, послужившее ему, какъ видно изъ предъидущаго, поводомъ къ косвенному осужденію нѣкоторыхъ узкихъ и одностороннихъ воззрѣній на церковь, распространенныхъ въ родственномъ ему церковномъ обществѣ. Этимъ случаемъ воспользовался онъ и для того, чтобъ выставить въ представителѣ православной

*) Напрасно ученый авторъ сопоставляетъ здѣсь стремленія нашего митрополита Филарета съ тѣми искусственными попытками возрожденія древнихъ обычаевъ церкви, которыя видѣлъ онъ въ своемъ отечествѣ, на западѣ. Между тѣми и другими явленіями есть глубокое различіе: реформація, которой у насъ не было. Наша церковь, слава Богу, остается вѣрна себѣ и въ идеѣ, и въ народномъ обычаѣ. Филаретъ могъ быть—и былъ въ дѣйствительности—только *хранителемъ* духа церковнаго и церковнаго обычая; не отдѣляясь въ этомъ отъ народнаго сознанія, которое само воспитало въ немъ и оживляло, и поддерживало ревность къ церкви и твердость духа церковнаго. Итакъ употребленные авторомъ термины: *антикварный, возвратный, романтическій*, пригодные для представителей упомянутаго направленія на западѣ, не вѣрны въ отношеніи къ Филарету.

церкви, духъ любви и терпимости, котораго такъ часто не находитъ между своими единовѣрцами.

По поводу этого отзыва Станлея о терпимости митрополита Филарета, кстати будетъ привесть слѣдующія слова, которыми заканчивается очеркъ жизни митрополита Филарета, сдѣланный русскою переводчицей его проповѣдей, изданныхъ на англійскомъ языкѣ въ Лондонѣ въ 1873 году. „Этотъ вѣрный служитель православія, говоритъ она, этотъ глубокій богословъ, этотъ знаменитый епископъ, столь высоко державшій знамя родной нашей церкви въ теченіе полувѣка, проявлялъ, особливо въ исходѣ славнаго своего поприща, высокій духъ христіанской терпимости. За шесть дней до кончины его, я слышала, какъ онъ выражалъ твердое свое убѣжденіе въ томъ, что милосердіе Божественное, надѣлившее единую церковь всей полнотою благодати, не вовсе лишаетъ нѣкоторыхъ даровъ ея и другія христіанскія исповѣданія. Съ любовью и упованіемъ говорилъ онъ о спасительной силѣ, которую каждое исповѣданіе христіанское содержитъ въ себѣ для тѣхъ простыхъ душъ, коимъ не досталось въ удѣлъ совершеннѣйшее знаніе; имъ для спасенія, выразился онъ, и того достаточно, чтобы вѣровать въ Святую Троицу и въ искупленіе наше жертвою Господа Нашего Іисуса Христа.